

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 930.85; 002.2

doi: 10.17223/19988613/79/16

Книжная культура в фокусе исторической социологии

Дмитрий Владимирович Березняков¹, Сергей Васильевич Козлов²

¹ Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, bereznyakov@ngs.ru

² Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия, feld71@mail.ru

Аннотация. Разделяя тезис о теоретико-методологическом кризисе отечественного книговедения, авторы предлагают обратиться к ресурсам исторической социологии, позволяющей существенно обогатить исследовательскую оптику истории книги и книжной культуры. В статье делается акцент на возможностях инструментария анализа факторов исторического процесса, выделяющего технологические инновации и революции в качестве одной из «движущих сил истории».

Ключевые слова: книжная культура, книговедение, историческая социология, медийные революции, технологический детерминизм

Для цитирования: Березняков Д.В., Козлов С.В. Книжная культура в фокусе исторической социологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 132–137. doi: 10.17223/19988613/79/16

Original article

Book Culture in a Focus of Historical Sociology

Dmitry V. Bereznyakov¹, Sergey V. Kozlov²

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, bereznyakov@ngs.ru

² State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, feld71@mail.ru

Abstract. A number of scholars argue that bibliology in Russia is currently in the state of crisis. Its roots are not only in the conditions of the sources or databases that are growing rapidly due to the digitization of contemporary culture, but also in the theoretical and methodological foundations of the field itself which is centered around the book as a material artefact, that presupposes a descriptive approach. Such approach is consistent with quantitative and classification-based principles of document studies but does not view the book and book culture in a broader context of socio-historical dynamics of human societies. The current situation in the Russian bibliology is in contrast to the book studies field abroad which is focused on interdisciplinary synthesis and collaboration among those representing different strains in humanitarian thought.

Thus, the purpose of this article is to briefly discuss the role historical sociology can play in resolving the disciplinary crisis of the field of bibliology in Russia. From its origins to the present day, historical sociology has sought to explain social changes both on the macro level of long historical duration and on the micro level of the historical process. One of the key research goals at the heart of the plethora of its theoretical constructs and proposed explanatory models is to identify the factors of the historical process (moving forces of history), their mechanics and impacts on society.

The history of books and book culture necessitates focusing on the factor of technology and the factor of external influences which primarily manifest themselves in media revolutions. These revolutions radically transform culture's technological infrastructure creating conditions for appropriation of the donor's accomplishments by the user. But the focus on the technological factor of media revolutions should not be inflated in proportion to lead to technological

determinism. This happens when technologies are perceived not as one of the factors, but as a dominant factor of historical development and various inventions and innovations are viewed as capable to form new types of society, radically different from their predecessors, as is often the case in numerous versions of the theory of “information society.”

Thus, a factorial analysis of the historical process allows us to consider book culture from within the framework of long historical duration and to identify both periods of radical cultural and technological transformations and their external appropriations and periods of relatively stable dynamics on the basis of accomplished breakthroughs and the acceptance of the new cultural practices by the society at large. Book culture in its turn now serves both as environment and a result of activities of various institutional and individual actors that can be conceived as a cohesive whole, structured by a communicative chain, which fixes the roles of these actors from the production of the text to its consumption.

Keywords: book culture, bibliography, historical sociology, media revolutions, technological determinism

For citation: Berезnyakov, D.V., Kozlov, S.V. (2022) Book Culture in a Focus of Historical Sociology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 132–137. doi: 10.17223/19988613/79/16

Исследование книжной культуры в исторической перспективе является устоявшимся исследовательским полем, внутри которого существуют различные школы и доминирующие концепции как в отечественной, так и в зарубежной научной традиции. Вместе с тем нельзя не отметить, что существующие в отечественном книговедении подходы зачастую делают акцент исключительно на саму книгу как материальный артефакт, что сужает исследовательские горизонты и исключает выявление значимых связей книжной культуры с другими важными факторами, обуславливающими историческое развитие. Ключевое определение книговедения, данное А.А. Беловицкой, как раз об этом: «Книговедение есть приведенное в систему научное знание о книге как объективном явлении социальной действительности – о природе и сущности книги, о логических и исторических процессах, формах и закономерностях ее существования, движения, развития и функционирования; метод получения нового знания о книге; способ организации результатов познания книги либо в теоретические компоненты и элементы книговедческого знания, либо в теоретически осознанные правила, приемы, процедуры, т.е. методики практической книговедческой деятельности в той или иной сфере книжного дела (книгоиздательского, книготоргового, библиотечного, библиографического) как способа существования реальной, действительной книги в ее книговедческой целостности» [1. С. 10].

Ряд авторов применительно к российской историографии говорят о серьезном методологическом кризисе в области теоретических исследований книжной культуры [2–4]. В частности, представители санкт-петербургской школы книговедения Д.А. Эльяшевич и В.А. Мутьев отмечают: «Исследовательское поле отечественного теоретического книговедения сегодня... формирует закрытую систему коммуникации, своего рода эхо-камеру, в которой информация циркулирует в рамках персонифицированной и иерархически выстроенной субкультуры консервативных “книговедо-документоведов”, узкого круга единомышленников, зачастую являющихся носителями мифологического сознания – системы, внутрь которой проникают только тщательно отфильтрованные информационные потоки, подтверждающие лишь давно известные этим единомышленникам тезисы, зеркально отражающие постулаты советского книговедения (чрезвычайно плодотворного для эпохи планового бумажного книгопечатания

и книгораспространения). Такое мифологическое сознание закономерно порождает мифологию вместо основывающейся на реальных фактах теории» [4. С. 45].

При этом если обратиться к ситуации в «трансатлантической» гуманитарной науке, то можно увидеть, как на протяжении последних десятилетий, начиная с 1980-х гг., история книги (*histoire du livre, history of books, Geschichte des Buchwesens*) постепенно трансформировалась в «книжные исследования» (*book studies*), которые как раз и характеризуются отчетливой тенденцией к междисциплинарной кооперации. Характеризуя этот проект, Т. Венедиктова отмечает, что «новая дисциплинарная конфигурация должна объединить усилия историков книги, историков культуры, историков искусства и историков-социологов, и для ее поддержки нужны учебные программы, организованные на новой теоретико-методологической основе. Задача эта столь же амбициозна, сколь и трудно решаемая в нынешних условиях. Чем ощутимее в гуманитаристике антитеоретический крен, чем больше надежд возлагается на эмпирическое описание, тотальное сканирование и обсчет данных, тем острее чувствуется потребность в экспериментальной концептуализации разнородного, изобильного и постоянно разрастающегося материала: без теоретических обобщений невозможны ни продуктивные гипотезы, ни масштабные сравнения» [5. С. 338]. При этом автор специально оговаривает свое несогласие с тем, что зарубежные *book studies* можно рассматривать как синоним привычного отечественного книговедения.

Запрос на фундированные концептуальные обобщения и теоретические схемы нарастает в том числе вследствие стремительной цифровизации современных культурных индустрий и резкого роста баз данных, предполагающих адекватный им алгоритмический инструментарий, сопровождающийся подъемом нового цифрового технооптимизма. Однако в этой ситуации постепенно формируется и осознание того, что *сами по себе* массивы данных, будучи подвергнуты цифровой обработке, не генерируют ожидаемых новых теорий и концепций, но при этом оперативно включаются в практики управления и контроля со стороны корпоративного бизнеса и государства (наиболее яркий пример этого процесса – триумфальное шествие идеологии и практики внедрения электронного правительства в глобальном масштабе [6]), подпитывая новыми фактами аргументы уже цифровых технопесси-

мистов. Одна из последних версий цифрового технопессимизма – концепция «надзорного капитализма» Ш. Зубофф (см.: [7]).

Для преодоления отмечаемой исследователями изолированности отечественного книговедения от международной социально-гуманитарной ситуации, узости свойственного ему тематического спектра и консервативности используемого методологического аппарата очевидной является необходимость включения книговедческих штудий в более широкий контекст, который позволит сформировать такую исследовательскую оптику, которая бы опиралась на потенциал и достижения тех дисциплин, которые позволяют анализировать книжную культуру в разнообразных институциональных и символических контекстах.

В этой связи представляется перспективным обращение к ресурсам исторической социологии, которая в последние десятилетия становится как в России, так и за рубежом набирающим силу масштабным исследовательским проектом, в рамках которого разворачиваются исследования как на макроуровне исторической динамики, так и на микроуровне социальных явлений и взаимодействий [8–11].

Одним из возможных методологических подходов, активно используемых в рамках исторической социологии, который позволяет выявить значение книжной культуры в исторической динамике, является анализ факторов исторического процесса, который в российской науке представлен в первую очередь работами С.А. Нефедова [12–14]. С.А. Нефедов именуется предлагаемый им подход «факторным анализом». Следует учитывать тот факт, что подобный термин закрепился за количественным методом, в рамках которого корреляции между большой совокупностью наблюдаемых переменных объясняются в терминах небольшого числа новых переменных, называемых факторами. Для избегания терминологических недоразумений мы будем именовать метод, используемый С.А. Нефедовым, анализом факторов исторического процесса.

Суть этого подхода заключается в выделении «движущих сил истории» [12. С. 10], которые определяют динамику развития обществ и цивилизаций в перспективе большой исторической длительности. В рамках подхода, предложенного С.А. Нефедовым, выделяют три основных фактора: демографический, технологический и фактор внешних влияний.

Демографический фактор включает в себя влияние роста населения на жизнь общества с характерными для него демографическими циклами и динамикой обеспеченности ресурсами. Наиболее разработанной теорией, анализирующей влияние этого фактора, является концепция демографических циклов, которая в 70–80-е гг. XX в. получила название «неомальтузианство». Один из ведущих представителей этого направления Фернан Бродель писал: «Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет – но не до конца! – вторые. В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным» [15. С. 41].

Значимость технологического фактора обусловлена тем влиянием, которое оказывают великие открытия и происходящие на их основе технологические революции на социальную структуру и общественные отношения. Основным акцентом действующим в рамках этого подхода исследователи делают на революциях в сфере военных технологий, что нашло свое выражение в знаменитой теории военной революции Майкла Робертса [16], получившей свое развитие в работах У. Мак-Нила [17], В.В. Пенского [18] и др.

И, наконец, третий фактор – фактор внешних влияний – во главу угла ставит диффузию инноваций, обусловливаемую многообразными контактами обществ между собой, происходящими в процессе войн, торговли и культурного обмена. Как отмечает С.А. Нефедов, «история отдельной страны в рамках этой концепции может быть представлена как история адаптации к набегающим с разных сторон культурным кругам, как история трансформации общества под воздействием внешних факторов, таких как нашествие, военная угроза или культурное влияние могущественных соседей» [12. С. 33].

Аналитическая оптика этого анализа предполагает, что книжная культура может быть рассмотрена в первую очередь в логике воздействия технологического фактора. Существующая литература, как мы отмечали выше, преимущественно делает акцент на военно-технологических инновациях и их роли в человеческой истории. Однако представляется, что не меньшее влияние на развитие обществ оказывают медийные революции [2]. В этой перспективе книга предстает как результат реализации медийных революций, а книжная культура – как институционализированные практики трансляции социально значимой информации.

В рамках анализа технологического фактора ключевой проблемой является то, как различные исследователи понимают роль технологий в человеческой истории. Наиболее популярный подход принадлежит Торонтской школе медиаисследований, или школе технологического детерминизма. Как подчеркивает Е.Г. Дьякова, «с точки зрения сторонников Торонтской школы тип коммуникативной технологии определяет специфику *всех* общественных структур, включая экономические отношения и властные структуры. Иными словами, возможности власти целиком определяются возможностями соответствующей коммуникативной технологии, так что представительная демократия, например, появляется с изобретением печатного станка и утрачивает смысл с изобретением телевидения» [19. С. 33].

Наиболее известным представителем Торонтской школы был, как известно, Герберт Маршалл Маклюэн. Именно его широко известные воззрения являются примером доведенного до логического предела технологического детерминизма, в рамках которого коммуникативные технологии, с одной стороны, превращаются в своего рода доминирующую силу исторического развития, преобразуя окружающий социальный мир «под себя», а с другой – сами медиа, поняты как внешние расширения человека, рассматривают при этом самого человека как объект технологического

воздействия, а создаваемую им социальную реальность как тотально детерминируемую технологиями [20].

Таким образом, в рамках данного подхода утверждается, что медийные революции порождают новый тип коммуникативной технологии, которая носит тотальный характер в том смысле, что воздействует на все сегменты общества. Это позволяет современным представителям технологического детерминизма применительно к медийной революции, разворачивающейся на наших глазах, постулировать тезис о радикальной трансформации всех общественных отношений, которая приводит к рождению нового общества (медийная революция → новый тип коммуникативной технологии → новый тип общества). Ярким представителем этого подхода на современном этапе является Мануэль Кастельс, который выдвигает идею глобального сетевого общества, понимаемого им как «общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологиях» [21. С. 41].

По сути, в рамках технологического детерминизма исторический процесс всецело определяется доминированием технологического фактора, имеющего тотальное воздействие на общество и его институты, что, в свою очередь, позволяет его сторонникам противопоставлять различные типы общественного устройства на основе доминирующего технологического уклада.

Однако такой подход вызывает серьезную критику среди представителей исторической макросоциологии. Так, Майкл Манн, разрабатывая свою концепцию четырех источников социальной власти и сквозь ее призму анализируя человеческую историю, подчеркивал, что сверхпопулярные теории глобализации, футурологии и технологического детерминизма представляют собой своего рода аналог научной моды. «За громкими заявлениями теоретиков о том, что они якобы открыли фундаментальные изменения в обществе, нередко скрывается жажда почести и славы. Подобные, если можно так выразиться, гиперглобалайзеры заявляют, что глобализация привела к появлению общества, коренным образом отличающегося от прежнего. Иначе как “глобудой”... такие заявления не назовешь» [22. С. 4–5]. Иными словами, подход М. Манна демонстрирует критику редукционизма, когда воздействие многообразных факторов выносятся за скобки, а акцент делается лишь на одном из них, которому предписывается универсальность.

Итак, отталкиваясь от логики анализа факторов исторического процесса, кратко охарактеризованного выше, книжную культуру можно рассматривать как исторический феномен, чья динамика во многом определяется медийно-технологическим фактором, напрямую связанным с внедрением инноваций. Однако необходимо подчеркнуть, что акцентирование роли медийных революций в трансформации книжной культуры должно учитывать нередуцируемость культурной динамики к динамике технологической. В противном случае исследователи могут оказаться в плену методологической иллюзии однофакторности исторического и культурного развития, когда достаточно найти «ма-

гический ключ», будь то технология (как в случае с Торонтской школой) или экономический базис (как в случае с марксизмом), при помощи которого можно «вскрыть» дотоле скрытую от глаз ученого базисную логику исторического процесса.

Использование историко-социологического подхода к книжной культуре поможет преодолеть как центрированность исследовательской оптики на одном факторе, так и свойственное отечественному книговедению рассмотрение истории книги в отрыве от истории культуры. Историческая социология рассматривает медийные революции как важнейший, но не единственный фактор, определяющий культурную динамику. Анализ книжной культуры как иерархической системы можно локализовать на двух взаимосвязанных между собой уровнях. На макроуровне действуют факторы, обуславливающие процессы большой исторической длительности, которые несут структурный характер и задают векторы исторического развития. Фактор медийных революций, безусловно, относится к одному из них. В свою очередь, на микроуровне исследователь имеет дело не с обезличенными институтами и процессами, а с индивидами и группами, социализированными во вполне конкретных культурных условиях и включенными в разнообразные горизонтальные сети взаимодействий. В конечном счете действуют в истории люди. Поэтому в центре исследований книжной культуры должны быть именно индивиды, производящие и потребляющие книгу, а не сама книга как материальный артефакт. Книжная культура может рассматриваться как сфера, в которой взаимодействуют различные акторы, производящие и потребляющие тексты. Иными словами, пространство книжной культуры носит структурированный характер, предполагающий наличие коммуникативной цепочки, определяющей коммуникации акторов внутри этой сферы. Таким образом, книга предстает здесь как вид медиа в цепи взаимодействий различных индивидов и групп, реализующих собственные и во многом исторически контекстуальные интересы.

Подводя итоги, стоит подчеркнуть, что зафиксированный выше методологический кризис российского книговедения требует от профессионального исследовательского сообщества существенного обновления исследовательского инструментария, что, на наш взгляд, должно быть связано с активным включением в сферу книговедческих исследований достижений тех подходов, которые доказали свою плодотворность и перспективность при исторической реконструкции других сфер социальной реальности. В этом смысле представляется, что одним из значимых направлений является историческая социология, которая концептуализирует как структурные аспекты исторической динамики (макроуровень), так и конкретные механизмы социальных взаимодействий между акторами (микроуровень). Одним из подобных инструментов выступает анализ факторов исторического процесса, сквозь призму которого книжная культура может быть рассмотрена в длительной исторической перспективе как сфера, динамика которой определяется технологическими изменениями и заимствованиями культурных инноваций.

Список источников

1. Беловицкая А.А. Книговедение. Общее книговедение : учебник. М. : МГУП, 2007. 391 с.
2. Лизунова И.В., Павленко С.В. Трансформация книги в условиях медийных революций // Библиосфера. 2020. № 1. С. 12–23.
3. Эльяшевич Д.А. Книговедение: жизнь после смерти // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 60–63.
4. Эльяшевич Д.А., Мутьев В.А. Новое книговедение: взгляд в будущее // Библиосфера. 2021. № 1. С. 43–53.
5. Венедиктова Т. Новости из истории книги // Новое литературное обозрение. 2019. № 5 (159). С. 338–346.
6. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Повестка дня и информационное общество. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019. 142 с.
7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 784 с.
8. Лакман Р. Что такое историческая макросоциология? М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 240 с.
9. Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. 384 с.
10. Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2009. 412 с.
11. Травин Д.Я. Как государство богатеет : путеводитель по исторической социологии. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 400 с.
12. Нefeldов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М. : Территория будущего, 2008. 752 с.
13. Нefeldов С.А. История России. Факторный анализ : в 2 т. М. : Территория будущего, 2010–2011.
14. Нefeldов С.А. О факторах исторического процесса // История и современное мировоззрение. 2019. № 1. С. 89–95.
15. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. М. : Прогресс, 1986. Т. 1: Структуры повседневности. 624 с.
16. Roberts M. *Essays in Swedish History*. London, 1967. 358 p.
17. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технологии, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М. : Территория будущего, 2008. 456 с.
18. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М. : Яуза, 2010. 448 с.
19. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург : УрО РАН, 2002. 280 с.
20. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2003. 464 с.
21. Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
22. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. Т. 4: Глобализация, 1945–2011 годы. 672 с.

References

1. Belovitskaya, A.A. (2007) *Knigovedenie. Obshchee knigovedenie* [Bibliology. General Bibliology]. Moscow: MSUP.
2. Lizunova, I.V. & Pavlenko, S.V. (2020) Transformatsiya knigi v usloviyakh mediynnykh revolyutsiy [Transformation of the book during media revolutions]. *Bibliosfera*. 1. pp 12–23.
3. Elyashevich, D.A. (2018) Knigovedenie: zhizn' posle smerti [Bibliology: life after death]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta*. 217. pp. 60–63.
4. Elyashevich, D.A. & Mutiev, V.A. (2021) Novoe knigovedenie: vzglyad v budushchee [New bibliography: a look into the future]. *Bibliosfera*. 1. pp. 43–53.
5. Venediktova, T. (2019) Novosti iz istorii knigi [News from the history of the book]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 159. pp. 338–346.
6. Dyakova, E.G. & Trakhtenberg, A.D. (2019) *Povestka dnya i informatsionnoe obshchestvo* [Agenda and Information Society]. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.
7. Zuboff, Sh. (2022) *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The era of supervisory capitalism. The battle for the human future on the new frontiers of power]. Moscow: The Gaydar Institute.
8. Lachmann, R. (2016) *Chto takoe istoricheskaya makrosotsiologiya* [What is historical macrosociology?] Moscow: Delo RANKhiGS.
9. Derlugyan, G. (2013) *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How this world works. Sketches on macrosociological topics]. Moscow: The Gaydar Institute.
10. Rozov, N.S. (2009) *Istoricheskaya makrosotsiologiya: metodologiya i metody* [Historical macrosociology: methodology and methods]. Novosibirsk: NSU.
11. Travin, D.Ya. (2022) *Kak gosudarstvo bogateet : putevoditel' po istoricheskoy sotsiologii* [How the State Gets Richer: A Guide to Historical Sociology]. Moscow: The Gaydar Institute.
12. Nefedov, S.A. (2008) *Faktorny analiz istoricheskogo protsesssa. Istoriya Vostoka* [Factor Analysis of the Historical Process. The History of the East.]. Moscow: Territoriya budushchego.
13. Nefedov, S.A. (2010, 2011) *Istoriya Rossii. Faktorny analiz: v 2 t.* [History of Russia. Factor Analysis. In 2 vols]. Moscow: Territoriya budushchego.
14. Nefedov, S.A. (2019) O faktorakh istoricheskogo protsesssa [On the factors of the historical process]. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie – History and Modern Perspectives*. 1. pp. 89–95.
15. Braudel, F. (1986) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm v XV–XVIII vekakh* [Material civilization, economy and capitalism in the 15th – 18th centuries]. Vol. 1. Moscow: Progress.
16. Roberts, M. (1967) *Essays in Swedish History*. London: [s.n.].
17. McNeill, W. (1982) *The Pursuit of Power. Technology Force and Society Since A.D. 1000*. The University of Chicago Press.
18. Penskoj, V.V. (2010) *Velikaya ognestrel'naya revolyutsiya* [The Great Firearms Revolution]. Moscow: Yauza.
19. Dyakova, E.G. (2002) *Massovaya kommunikatsiya i vlast'* [Mass communication and power]. Yekaterinburg: RAS.
20. McLuhan, G.M. (2003) *Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Translated from English. Moscow: KANON-press-C; Kuchkovo pole.
21. Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [Communication Power]. Moscow: HSE.
22. Mann, M. (2018) *Istochniki sotsial'noy vlasti* [Sources of Social Power]. Vol. 4. Moscow: "Delo" RANKhiGS.

Сведения об авторах:

Березняков Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры социальной философии и политологии Института философии и права Новосибирского государственного университета; доцент кафедры массовых коммуникаций Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: bereznyakov@ngs.ru

Козлов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН по научной работе (Новосибирск, Россия). E-mail: feld71@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Berezhnyakov Dmitry V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University, Institute for Philosophy and Law, the Social Philosophy and Politics Section (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: berezhnyakov@ngs.ru

Kozlov Sergey V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Deputy Director, The State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: feld71@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.07.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 28.07.2022; accepted for publication 07.09.2022